

ИНТРОСПЕКЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ И КАК МЕТОД ЛИНГВИСТИКИ

Интроспекция – это составляющая любой коммуникации и один из базовых методов исследования языка. Однако в силу естественности данной когнитивной способности для мышления человека она долгое время не была объектом лингвистического исследования. Цель статьи – продемонстрировать возможность и востребованность ее изучения. Обсуждение видов языковой интроспекции основано на концепции Л. Талми.

Ключевые слова: методология лингвистики, интроспективное наблюдение, объекты языковой интроспекции, метод интроспекции.

«Языковое чутье», «языковая интуиция» свойственны в той или иной степени всем пользователям языка. Эти способности являются примерами проявления интроспекции (или самонаблюдения), позволяющей человеку непосредственно осознавать некоторые аспекты языка.

Интроспекция – это сознательное направление внимания на свое собственное сознание. Обращения к сознанию происходят в рамках любой языковой коммуникации, являясь ее неустранимой составляющей. Поэтому способность к интроспекции, конкретные акты ее использования и усматриваемые посредством них данные можно было бы, в принципе, считать составляющими языка, если бы язык было принято рассматривать таким, каким он предстает в реальной жизни человека. Однако научный взгляд на язык до недавнего времени был не столь широк. Иными словами, теоретически интроспекция могла бы издавна быть самостоятельным предметом изучения в науке о языке, но в силу исторически сложившихся обстоятельств, в течение большей части периода развития лингвистики она таковым не являлась.

Вместе с тем как *метод* исследования языка интроспекция активно используется: ясно, что умение пользоваться языком, интуитивное знание языка локализованы в индивидуальном сознании человека, поэтому в поисках данных о языке естественно обратиться именно к возможностям инди-

видуального сознания. На использовании метода интроспекции основано, например, традиционное лингвистическое экспериментирование (восходящее к идеям Л. В. Щербы), в рамках которого приемлемость (правильность, синонимичность, тождественность, взаимозамещаемость и т. д.) тех или иных языковых составляющих проверяется путем обращения к интуиции носителя языка. При этом лингвист сознательно направляет свое внимание на то, как воспринимается в сознании тот или иной конкретный аспект языка. По сути, в таких экспериментах речь идет об использовании интроспекции для *оценивания* определенных свойств языковых выражений (сконструированных специально или же найденных в реальной речи). Возможен вопрос: все ли обращения к индивидуальному сознанию, осуществляемые в процессе использования языка рядовыми его носителями, производятся с целью оценивания?

Для ответа на этот вопрос необходимо сделать интроспекцию *предметом* исследования и понять, какие аспекты языка и насколько четко можно посредством нее наблюдать. Именно по отношению к этим аспектам и можно продуктивно использовать интроспекцию как *метод*. С данной точки зрения интроспекция в лингвистике обычно не рассматривается: интроспективные наблюдения многим кажутся столь естественными, что мысль о более детальном их изучении просто не возникает. Не всякий

лингвист вообще упоминает о применении интроспекции в своих исследованиях, полагая обращение к ней чем-то само собой разумеющимся.

Ситуация, следовательно, такова: интроспекция – это одновременно и составляющая языка, и средство непосредственного доступа к некоторым языковым знаниям и умениям. Тем самым потенциально интроспекция законна и в качестве предмета, и в качестве метода лингвистического исследования, причем в полной мере использовать ее как метод можно лишь на основе изучения ее как предмета.

Интроспекция как предмет лингвистики

Интроспективное наблюдение языка – это определенная когнитивная способность, присущая всем носителям языка. Лингвисты отличаются лишь тем, что уделяют особое внимание ее развитию, используют систематизированно и более целенаправленно.

Точка зрения на интроспекцию как на неустранимую и представляющую самостоятельный интерес составляющую языка была впервые явно сформулирована в работах Леонарда Талми, одного из наиболее известных представителей современной когнитивной лингвистики.

Талми считает интроспекцию базовым методом лингвистики и именно поэтому находит необходимым сделать ее предметом исследования, справедливо полагая, что лишь научившись ориентироваться во всем спектре языковых явлений, доступных через интроспекцию, можно в полной мере использовать ее как метод. Талми предложил детальную классификацию интроспективно наблюдаемых составляющих языка и проанализировал степень их доступности при разных условиях наблюдения [Talmy, 2007].

Ниже предлагается описание видов языковой интроспекции, поясняющее концепцию Талми. Сама классификация в сжатом виде приведена в Приложении.

Как полагает Талми, интроспекция (подобно другим методам) имеет определенный «профиль» [Talmy, 2006; 2007]: для изучения одних аспектов языка она подходит лучше, для других – хуже. Ранжирование составляющих языка по степени их интроспективной доступности основано на

классификации видов интроспекции по трем параметрам:

- 1) уровням осознания;
- 2) условиям наблюдения;
- 3) интенсивности, ясности, устойчивости наблюдения.

Первый параметр классификации (уровни осознания) коррелирует с производимым в логико-философских исследованиях разграничением предметного языка и метаязыка (первый предназначен для обсуждения предметного мира, второй – для обсуждения самого предметного языка). Мы можем обсуждать ситуации, происходящие в мире (тогда язык будет лишь средством), а можем обратить свое внимание на сам язык.

Аналогично некоторые составляющие языка человек лишь мимоуслышно «видит» в своем сознании, но не делает их объектом своего специального внимания. Такие составляющие относятся к *первому уровню осознания* (соответствуют предметному языку).

На *втором уровне осознания* содержания первого уровня сами, в свою очередь, становятся объектами внимания (выполняющего в этом случае метаязыковую функцию).

На первом уровне осознания человек просто воспринимает составляющие языка, предметы внешнего мира, переживания своих эмоций, на втором уровне осознания он обращает свое внимание именно на само *восприятие* этих составляющих, предметов или эмоций, делает восприятие объектом анализа.

Например, перед произнесением очередной реплики в ходе диалога говорящий «видит» внутренним взором (на первом уровне осознания) ту мысль, которую он намерен выразить вербально. В этот момент он может приостановить диалог и задуматься над тем, как лучше выразить эту мысль: как упорядочить ее составляющие, что высказать явно, а что – завуалировано и т. д. (все эти размышления относятся ко второму уровню осознания).

Содержания второго уровня возникают тогда, когда человек осуществляет некий «мониторинг» своего сознания, анализируя содержащиеся в нем составляющие первого уровня.

Второй параметр классификации (условия интроспективного наблюдения) служит для разделения видов интроспекции на два класса в зависимости от наличия / от-

сутствия связи с текущим процессом коммуникации. В обоих классах могут присутствовать наблюдения как первого, так и второго уровня осознания.

Для именованя данных классов Талми использует компьютерную терминологию¹. Наблюдения над содержаниями первого или второго уровня, производимые в непосредственной связи с текущим процессом коммуникации, он называет *онлайн*ными наблюдениями (наблюдениями *в режиме онлайн*). Наблюдения, производимые вне связи с текущим процессом коммуникации (т. е. автономно, в изоляции), он называет *офлайн*ными наблюдениями (наблюдениями *в режиме офлайн*)².

Офлайнные наблюдения могут производиться ретроспективно, по сохранившимся в памяти следам, или проспективно, на основе воображения некоторой будущей коммуникации.

Интроспективные наблюдения, составляющие основу традиционного лингвистического эксперимента, обычно проводятся в режиме офлайн. Лингвист выбирает или специально конструирует некий текст и направляет свое внимание на его восприятие (на втором уровне осознания) с целью понять, воспринимается ли данный текст как правильный в языковом отношении. Затем тот же лингвист может построить другой текст и оценить, насколько он правилен. После этого можно сравнить между собой результаты двух наблюдений и решить, какой текст более правилен. Все эти действия производятся автономно, в офлайнных условиях интроспекции.

Онлайновая интроспекция бывает трех видов: сопутствующая, предваряющая, обзорная.

В определенные моменты говорящий (слушающий), используя интроспекцию, осознает некоторую составляющую сознания и, возможно, попутно осуществляет другие функции, например, фиксирует

(удерживает в памяти) эту составляющую, просматривает ряд составляющих сознания, выбирает составляющую с определенным свойством, оценивает ее по определенному параметру и т. д. В приведенных ниже примерах функции интроспекции подчеркнуты. Реальная речь изобилует обращениями к интроспекции, примеры отражают лишь малую долю таких обращений.

1. **Сопутствующая** (concurrent) интроспекция.

Пример 1. Говорящий, указывая на некий предмет, называет его. Слушающий фиксирует связь между предметом и словом («делает умственную заметку») с целью пополнения своего словарного запаса.

Пример 2. Говорящий высказал неоднозначное предложение, слушающий выбирает среди возможных смыслов наиболее подходящий.

В обоих случаях действие производится на втором уровне осознания.

2. **Предваряющая** (preview) интроспекция.

Пример 1. Слушающий удерживает в уме мысли, которые предполагает высказать позже, прогнозирует высказывания собеседника.

Рассмотрим теперь несколько ситуаций коммуникации.

Пример 2. Говорящий – хозяин дома и принимает гостей. Представляя очередного гостя, никогда не бывшего его близким другом, он начинает говорить: *Это мой бывший университетский ... [друг]*. Перед последним словом возникает пауза: говорящий, воспринимает слово «друг» как неадекватное, мимолетно обозревает возможные завершения фразы, выбирая среди них подходящее (он может, например, отвергнуть также слово «знакомый» как обозначающее слишком отдаленные взаимоотношения и т. д.). В результате говорящий может выбрать слово «сокурсник» или вообще решить переформулировать мысль иначе. Все эти размышления происходят на втором уровне осознания.

Пример 3. Взаимоотношения между собеседниками таковы, что им трудно выбрать, обращаться ли друг к другу на «ты» или на «Вы». Во время беседы они планируют свою речь, стараясь вовсе не использовать эти местоимения.

Пример 4. В ходе коммуникации слушающий вдруг прерывает говорящего сло-

¹ Пользователь, работающий на компьютере, подключенном к сети Интернет (в онлайн), может обратиться к ресурсам сети непосредственно со своего компьютера. Пользователь, работающий на компьютере, не подключенном к сети (т. е. находящийся в офлайн), этого сделать не может.

² Термины *онлайн*, *офлайн* выглядят несколько чужеродно в лингвистическом контексте, однако смысл их вполне ясен и удобным образом не выразим посредством более привычных лингвистических терминов.

вами *Я не понимаю*. Это означает, что он следил за степенью согласованности концептуального целого, соответствовавшего данному процессу коммуникации, и обнаружил, что она недостаточна. Говорящий в ответ направляет свой внутренний взор на тот комплекс мыслей, который он старался выразить, и пытается сформулировать то же самое иначе.

3. **Обзорная** (review) интроспекция.

Пример 1. Говорящий следит за тем, что уже сказано им самим, и стремится удержать в сознании то, что он собирается сказать далее. Он следит также за высказываниями собеседника, чтобы вовремя обнаружить недостатки в понимании им предмета обсуждения.

Пример 2. Говорящий назвал некие два объекта и в последующей речи указывает на них посредством слов *первый, второй*. Его собеседник, слыша эти слова, обозревает содержание своей памяти, касающееся предшествующей части коммуникации, и идентифицирует названные объекты.

Офлайн-интроспекция также подразделяется на ряд видов.

А. **Дискурсивная**³ (discursive) интроспекция. Ее объектами являются те аспекты языка, которые не мыслятся как составляющие текущей коммуникации, но связываются с неким другим (прошлым или будущим) процессом коммуникации. Дискурсивная интроспекция также может быть сопутствующей, предваряющей, обзорной. Она может проявляться, например, в сопутствующих размышлениях о возможных других обсуждениях предмета текущей коммуникации; в предваряющем продумывании разговора, который, возможно, произойдет когда-то в будущем; в обозревании сохранившихся в памяти следов коммуникации, происходившей некогда в прошлом. Так, человек, вернувшись домой после важной беседы, обозревает в уме все сказанное, пытаясь понять, что у него хотели выяснить, каковы возможные последствия его ответов, как можно было бы отвечать иначе.

Б. **Изолированная / автономная** (excerptive / autonomous) интроспекция. Аспект языка, на который направлена такая интрос-

пекция, рассматривается вообще вне связи с каким-либо процессом коммуникации (текущим, прошлым, будущим). Например, автономная сопутствующая интроспекция возникает, когда ребенок, осваивая родной язык, сам с собой разыгрывает «языковые игры» или когда писатель погружается в размышления о разных способах выражения некоего концепта.

Третий параметр классификации (степень интенсивности, ясности, устойчивости) определяет уровень доступности того или иного явления для интроспективного наблюдения.

В частности, устойчивость характеризует длительность периода времени, в течение которого явление остается доступным для интроспекции. Например, человек, размышляя о дискурсе, закончившемся в недавнем прошлом, вспоминает ряд составляющих легко и отчетливо. Высокодоступны для интроспекции будут, например, тема и общее концептуальное содержание прошедшего дискурса. Меньшей доступностью будет обладать точное словесное оформление концептуального содержания (способ выражения мысли запоминается хуже, чем сама мысль). Некоторые когнитивные процессы недоступны для интроспективного наблюдения (например, процесс появления мысли в сознании человека).

Два предыдущих параметра классификации (уровни осознания и условия интроспективного наблюдения) определены достаточно ясно. Для уровней доступности столь четких критериев нет. Талми лишь отмечает, что этот параметр зависит, как минимум, от пяти факторов: когнитивной организации людей вообще, когнитивных особенностей данного человека, текущей ситуации, условий наблюдения, типа объекта наблюдения.

Лингвисты, в ходе своей исследовательской работы, обычно используют изолированное офлайн-наблюдение языковых явлений. Часто таким образом изучают смыслы языковых единиц: слов, словосочетаний, предложений. Эти виды смыслов характеризуются разной степенью доступности для интроспекции: смыслы полных слов более доступны, чем смыслы служебных; смыслы конкретных слов более доступны, чем смыслы абстрактных. Доступен для интроспекции также смысл изолированного предложения, смысл метафоры и

³ Термин *дискурс* здесь используется применительно к интерактивным процессам речевого взаимодействия, предполагающим наличие как минимум двух участников: говорящего и слушающего.

его отличие от буквальной трактовки того же выражения. Хорошо доступна для автономного интроспективного наблюдения грамматическая правильность предложения. Это способность, правда, не дана всем в равной степени, она зависит от степени знания языка и от опыта лингвистического анализа.

При онлайн-наблюдении хорошо доступно ощущение степени тематической и логической согласованности коммуникации (правда, способность чувствовать это у разных людей различна). Для говорящего неплохо доступно то концептуальное содержание, которое он намерен выразить позже.

Слабо доступны для автономной интроспекции множества синонимов. Список синонимов, которые сможет вспомнить человек в ответ на предъявленное слово, вряд ли будет исчерпывающим. Например, для слова *говорить* едва ли удастся интроспективно увидеть в целом следующее множество: *разговаривать, беседовать, толковать, болтать, калякать, разводиться тары-бары (тары да бары, тары-бары-растабары), точить лясы, чесать языком (языками)* [Словарь синонимов..., 1971. С. 337], *трепаться, общаться* и т. д.

В очень малой степени доступны для автономной интроспекции смыслы аффиксов и семантические компоненты, составляющие структуру смысла слова. Например, в результате изолированного интроспективного наблюдения смысл предлога *поперек* (*Доска лежит поперек дороги*) можно обрисовать лишь очень грубо (связав со смыслом 'быть перпендикулярным'). Однако дополнительный систематизированный анализ интроспективных оценок приемлемости данного выражения в разных референциальных ситуациях может позволить выявить компоненты смысла более точно.

Многие аспекты языка вообще не могут быть объектами интроспективного наблюдения. Например, ни в офлайн-режиме, ни в онлайн-режиме невозможно наблюдать те когнитивные процессы, продуктом которых является производство или понимание речи. Такие процессы можно изучать лишь на основе косвенных методов исследования.

Доступность языкового явления для интроспективного наблюдения сильно зависит от ситуации коммуникации: ситуация влияет на распределение внимания человека и,

значит, на множество осознаваемых им языковых явлений. Например, при разговоре с вышестоящим начальством человек склонен с большим вниманием относиться к выбору слов, чем при общении с другом. Реально человек в процессе коммуникации замечает не все доступные для него факты, а лишь те, которые привлекли его внимание в силу своей коммуникативной или какой-либо иной значимости.

Таким образом, спектр степеней доступности языковых явлений широк. На одном полюсе находятся явления, хорошо осознаваемые, ясные, продолжительно удерживаемые в памяти, на другом – неясные, мимолетные или даже вообще не поддающиеся интроспективному восприятию.

В работе [Talmy, 2007] автор не утверждает, что предложенная им классификация полностью охватывает все интроспективно доступные аспекты языка. Если все же осмыслить данную классификацию с точки зрения ее полноты, то возникает ряд вопросов.

Прежде всего неясна несколько бóльшая (чем кажется необходимой) асимметрия онлайн- и офлайн-видов наблюдения. Например, в перечень аспектов языка, высокодоступных при онлайн-наблюдении, включена степень тематической / логической согласованности дискурса (I, 1, b)⁴. Однако среди аспектов языка, доступных при офлайн-наблюдении, соответствующего пункта нет, хотя исследование таких аспектов вполне возможно и реально осуществляется, например, Ю. Д. Апресяном [1995]. Перечень высокодоступных при офлайн-наблюдении аспектов языка включает уместность смысла языковой формы в определенном контексте (II, 1, d), среди онлайн-наблюдений такого пункта нет, хотя многие знают по своему опыту, что неуместность высказывания (уже состоявшегося или еще только готовящегося сорваться с уст) бывает вполне ощутима. То же самое можно сказать о личностной / социальной установке (и, как хотелось бы добавить, эмоциональной / стилистической окраске, степени экспрессивности), ассоциированной с языковой формой. Среди офлайн-наблюдений такой пункт есть (II, 1, b), а среди онлайн-наблюдений нет. Несколько

⁴ Здесь и далее номера в скобках указывают позицию рассматриваемого пункта в Приложении.

удивляет отсутствие параязыка среди аспектов, доступных для офлайнного наблюдения: параязык присутствует только среди онлайнных наблюдений (I, 2, a). Функциональным характеристикам паралингвистических явлений свойственна тенденция к стереотипизации [Колшанский, 2005], что делает их доступными для офлайнного наблюдения.

Неясны также отсутствие (среди обоих видов наблюдений) анафорических связей и неполнота множества тех видов интроспекции, которые связаны с отношениями референции и кореференции. Среди аспектов, доступных при офлайнном наблюдении имеется лишь один из видов отношения референции: слово, соответствующее концепту, заданному остенсивно, посредством указательного жеста (II, 1, m). Среди онлайнных наблюдений присутствует восприятие референциальной рассогласованности предложения (I, 2, b). Хотя анафорические связи и кореференция не включены в итоговый перечень наблюдаемых аспектов языка (см. Приложение), среди примеров, приводимых Талми для пояснения вводимых им понятий, некоторые частные случаи данных языковых явления имеются.

Аналогична ситуация с восприятием некоторых возможных способов перефразирования высказывания. При пояснении вводимых понятий Талми рассматривает отдельные частные случаи такого восприятия, но в итоговом перечне данная способность человека не отражена. Вместе с тем некоторые из способов перефразирования высказывания неплохо доступны для интроспекции. Такая способность часто бывает востребована в тех случаях, когда человек, высказывая некую мысль, вдруг осознает, что конструируемая им синтаксическая форма не подойдет для выражения оставшейся части мысли (или не все смыслы стоит выражать в данных обстоятельствах, или надо их выразить в ином ключе), и по ходу дела начинает синтаксически (семантически, прагматически) перестраивать текст. Способность интроспективно обзреть некоторые (но не все возможные!) способы перефразирования является, в частности, логически необходимым условием того, чтобы оценки грамматической правильности (II, 1, e) или уместности языковой формы в определенном контексте (II, 1, d) вообще имели разумный смысл. Ведь осоз-

нание неправильности / неуместности осмысленно только в том случае, если можно заменить фразу на другую, а для этого нужна способность «видеть» возможности перефразирования. Эта способность активно используется в лингвистических исследованиях, например, в работах, связанных с моделированием языка (см.: [Мельчук, 1974; Апресян, 1995; Богуславский, 1996] и др.).

В заключение данного рассуждения необходимо еще раз подчеркнуть, что публикация Талми [2007] носит предварительный характер и, возможно, перечисленные выше вопросы будут разрешены в будущих работах, подытоживающих данное направление его исследований. Безусловная и большая заслуга Талми состоит в том, что он впервые рассмотрел в таком ключе проблему статуса интроспекции в исследованиях языка и сделал существенный шаг в лингвистическом анализе интроспекции.

Практически все интроспективно доступные аспекты языка так или иначе изучаются в лингвистике при исследовании грамматики, семантики и прагматики. Более всего исследуются высокодоступные для наблюдения языковые данные.

Как показано в [Тимофеева, 2003; Timofeeva, 2006], интроспективные данные нуждаются не только в классификации, группирующей их в соответствии с принадлежностью к определенным аспектам языка, но и в классификации по функциональным признакам. Изучение интроспективно доступных составляющих языка с функциональной точки зрения имеет значение для построения формальных моделей естественного языка, для исследования различий между естественными и формальными языками.

Интроспекция как метод лингвистического исследования

Интроспекция считается *методом* научного исследования в том случае, если наблюдаемые посредством нее явления признаются достоверными фактами. Отношение к интроспекции как к методу неоднозначно.

Интроспекция составляет основу рефлексии и поэтому используется в любой дисциплине. Всякий реальный процесс (коммуникативный, биологический, физический, психический и т. д.) можно описать многими способами, по-разному его сегменти-

руя, категоризируя, устанавливая взаимосвязи, формулируя гипотезы, интерпретируя результаты. На каждом из этих этапов количество вариантов решений теоретически бесконечно и при построении критериев выбора неизбежно использование интроспекции.

Подобные обращения к интроспекции обычно вообще не выделяют в качестве определенного научного метода, поскольку они естественны не только для научной, но и для повседневной жизни человека, являются неотъемлемой составляющей человеческого мышления.

О методе интроспекции начинают говорить только тогда, когда научное исследование явным образом апеллирует к ней как к источнику в каком-то отношении достоверных фактов, на которых можно основывать дальнейшие рассуждения. Причем эти факты считаются надежными лишь в силу того, что человек способен наблюдать их как таковые в своем сознании. Степень достоверности подобного факта зависит от степени его доступности для интроспективного наблюдения.

Так понимаемый метод интроспекции является одним из базовых методов лингвистики. В частности, в рамках исследовательской традиции, основанной на идеях Л. В. Щербы, Ю. Д. Апресяна и др., этот метод используется для того, чтобы проверить, воспринимается ли тот или иной текст как грамматически / семантически / прагматически правильный (и, следовательно, является ли правильность этого текста языковым фактом).

В отличие от лингвистики, в сфере естественных наук интроспекция не считается самостоятельным и надежным методом выявления фактов, поскольку интроспективно можно наблюдать только свое собственное сознание и результаты таких наблюдений у разных людей не обязательно совпадают (тем самым нарушается требование воспроизводимости наблюдений). Так же негативно обычно относятся к интроспекции представители направлений, стремящихся следовать канонам естественных наук: психологи, психолингвисты, исследователи в области когнитивной науки.

Многие когнитивные лингвисты также ратуют за приоритетное развитие эмпирических естественно-научных методов, не считая таковым метод интроспекции. Эта пози-

ция выражена, например, в статьях Дирка Герарта [Geerarts, 2006] и Раймонда Гиббса [Gibbs, 2006].

Психолингвисты, например, предпочитают опираться на косвенные свидетельства интроспективных наблюдений человека, проявляющиеся во внешне наблюдаемом поведении (в частности, языковом). Так, в рамках ассоциативного эксперимента может использоваться способность человека интроспективно воспринимать многие аспекты языка (относительные антонимы / синонимы заданного слова, употребительность языковой формы, уместность смысла в определенном контексте, категориальную принадлежность слов, возможные устойчивые выражения с заданным словом и т. д.). Однако изучая эту способность, исследователь полагается на факты внешне наблюдаемого поведения испытуемого, а не на его интроспективные наблюдения. Тем самым интроспективные данные здесь изучаются только косвенно – по внешним следствиям, сказывающимся на поведении.

Таким косвенным образом чаще всего исследуют высокодоступные интроспективные данные, но и аспекты языка со средней или малой доступностью также не обходят вниманием. Примером могут служить невербальные аспекты коммуникации, которые активно изучаются в когнитивной лингвистике именно по причине своей слабой доступности для внимания говорящего, позволяющей использовать параязык как своего рода «проводник» в сферу когнитивных представлений человека. В частности, на параязык в значительной степени опираются теории концептуального воплощения [Bergen, 2006] в рамках моделирующей семантики (simulation semantics) при экспериментальном исследовании соотношений между характеристиками пространства и языковыми средствами их обозначения [Carlson, Hill, 2006].

Во всех этих исследованиях рассуждения строятся только на основе внешних наблюдений над поведением испытуемых, но нередко интерес направлен на скрывающиеся за этим поведением данные интроспекции.

Вместе с тем существуют современные эмпирические исследования (на стыке когнитивной науки и нейронауки), отводящие очень важную роль использованию интроспекции применительно к явлениям языка. Например, согласно мнению Энтони Джека

и Андреаса Рёпштрофа [Jack, Roepstroff, 2002], интроспективные методы несут в себе большой и пока недостаточно использованный потенциал, который может быть эффективен при исследовании корреляций между когнитивными заданиями, выполняемыми человеком, и процессами, протекающими в его мозге.

Возможность использования данного потенциала возникла сравнительно недавно и обусловлена появлением новых технических средств для наблюдения за работой мозга (различные виды томографии и др.), применяемых, в частности, при «когнитивном картировании мозговых функций». Цель такого картирования состоит в установлении закономерностей расположения нейронов, активирующихся при решении человеком определенной задачи. Базовое предположение здесь таково: схема активности мозга в определенный промежуток времени коррелирована с протекающим в то же время когнитивным процессом. Для выявления и контроля таких корреляций экспериментатор варьирует задания для испытуемого, стараясь исследовать в изолированном виде некоторый конкретный когнитивный процесс и связать его с изменениями мозговой активности.

Как полагают Лютц и его коллеги [Lutz et al., 2002], в ходе таких исследований очень важно правильно идентифицировать когнитивные процессы, реально осуществляемые испытуемым при выполнении задания. Это не просто, поскольку одно и то же задание может осуществляться в разных «когнитивных контекстах» (разные уровни внимания испытуемого, спонтанные мыслительные процессы в его уме, стратегии выполнения задания, эмоциональные состояния, внутренняя речь и т. д.). Точным образом манипулировать такими факторами сложно, поэтому исследователи обычно их игнорируют, усредняя результаты. В указанной работе эксперименты строятся на основе учета когнитивного контекста. Для этого комбинируются два вида данных: запись электрической активности мозга испытуемых и их вербальные отчеты о когнитивном контексте. В результате обнаруживаются достаточно стабильные закономерности, связывающие схемы активации мозга с когнитивными событиями. Эти исследования проводятся в рамках нейрофеноменологии.

В связи с рассмотрением интроспекции как метода научного исследования важен второй из названных выше видов данных (вербальные отчеты испытуемых), т. е. описание фактов, интроспективно доступных испытуемому. Какова лингвистическая составляющая этой задачи?

Основоположник нейрофеноменологии Франциско Варела полагал, что использованию данного метода должна предшествовать предварительная тренировка испытуемых, цель которой – совершенствование «мастерства феноменологического описания», т. е. мастерства описания интроспективно доступных фактов. Это примерно то же, что «учить играть на инструменте или говорить на новом языке» [Rudrauf et al., 2003. P. 42].

В соответствии с этим требованием в [Jack, Roepstroff, 2002] основному исследованию предшествует этап тренировки, на котором испытуемый (совместно с экспериментатором) должен построить индивидуальный «язык», наиболее подходящий для описания именно его феноменологического контекста и использованных при выполнении задания стратегий. Для этого требуется провести категоризацию индивидуального опыта и найти определенные кластеры. В этом процессе повышается чувствительность испытуемого к различиям между интроспективными восприятиями, что повышает точность вербальных отчетов. При формулировке вербального отчета используются *собственные категории* испытуемого, выработанные на этапе тренировки.

Построение языка – задача лингвистическая. В данном случае создаваемый язык должен отвечать определенному требованию: наилучшим образом подходить для точной идентификации и именования интроспективных данных. В процессе создания такого языка потребуются рассмотреть ряд методологических и практических проблем, связанных с разработкой критериев выбора референциальных объектов и отношений, связывающих выражения языка с интроспективными данными.

Анализ интроспективных данных (непосредственный или косвенный) и использование интроспективного метода в разных по содержанию и дисциплинарной принадлежности исследованиях языка являются подтверждениями того, что эта когнитивная способность заслуживает более тщательного

изучения. Существенный вклад в построение общей картины видов и возможностей языковой интроспекции вносит классификация, предложенная Л. Талми.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц: Моногр. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Колианский Г. В. Паралингвистика: Моногр. М.: КомКнига, 2005. 96 с.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \leftrightarrow Текст»: Моногр. М.: Наука, 1974. 315 с.

Словарь синонимов русского языка: В 2 т. М.: Наука, 1971. Т. 2. 856 с.

Тимофеева М. К. Естественные и формальные языки: логико-философский анализ: Моногр. Новосибирск: Ин-т математики СО РАН, 2003. 200 с.

Bergen B. Experimental Methods for Simulation Semantics // Methods in Cognitive Linguistics. John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 277–301.

Carlson L. A., Hill P. L. Experimental Methods for Studying Language and Space // Methods in Cognitive Linguistics. John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 250–276.

Geerarts D. Methodology in Cognitive Linguistics // Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives. Mouton de Gruyter, 2006. P. 21–49.

Gibbs R. W. Why Cognitive Linguistics Should Care More about Empirical Methods? // Methods in Cognitive Linguistics. John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 2–19.

Jack A. I., Roepstroff A. Introspection and Cognitive Brain Mapping: from Stimulus \neq response to script \neq report // Trends in Cognitive Sciences, 2002. No. 6 (8). P. 333–339.

Lutz A., Lachaux J. P., Martinerie J., Varela F. J. Guiding the Study of Brain Dynamics Using First-person Data: Synchrony Pattern Correlate with On-going Conscious States during a Simple Visual Task // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2002. Vol. 99. No. 3. P. 1586–1591.

Rudrauf D., Lutz A., Cosmelli D., Lachaux J. P., Le Van Quyen M. From Autopoiesis to Neurophenomenology: Francisco Varela's Exploration of the Biophysics of Being // Biological Research. 2003. No. 36. P. 21–59.

Talmy L. Foreword // Methods in Cognitive Linguistics Benjamins Publishing Company, 2006. P. xi–xxi.

Talmy L. Introspection as a Methodology in Linguistics // Paper Distributed at 10th International Cognitive Linguistics Conference, July, 2007, Krakow (Poland). <http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/talmy/talmy.html>.

Timofeeva M. K. Introspective and Traditional Views of Language // Logic and Logical Philosophy. 2006. Vol. 15. P. 217–238.

Приложение

Классификация видов языковой интроспекции, предложенная Л. Талми

I. Онлайнновые условия наблюдения

1. Аспекты языка с высокой доступностью

а) общая тема или предмет некоторой части дискурса

б) степень тематической или логической согласованности дискурса

с) для говорящего: переживание концептуального содержания, которое он собирался выразить в процессе разговора; еще не высказанные части содержания, которые он планирует высказать позже

д) для слушающего: конкретное концептуальное содержание, выраженное говорящим в процессе дискурса (в частности, содержание текущего произнесения); концептуальное содержание, которое предполагается высказать позже; отклонения говорящего от правильности, превышающие нормы вежливости (например, многочисленные междометия, длинные паузы, неудачные начала высказываний, автокоррекции, использование неправильных слов, неправильного имени слушающего)

2. Аспекты языка со средней доступностью

а) параязык (возможно, более доступен слушающему, чем говорящему): динамика голоса (высота, громкость и т. д.), жесты (их форма и время относительно произнесений), выражение лица, телесные движения

б) для слушающего: отклонения говорящего от правильности в пределах норм вежливости (умеренное число случаев неоптимального выбора слов / конструкций, грамматической / референциальной рассогласованности предложения, прерываний со стороны других людей, одновременных высказываний и т. д.), об относительно низком уровне доступности таких явлений свидетельствует то удивление, каковое многие

испытывают, увидев подробную запись коммуникации

3. Аспекты языка с нулевой доступностью: когнитивные операции и процессы, приводящие к производству / пониманию речи

II. Офлайнные условия наблюдения

1. Высокодоступные аспекты языка

a) концептуальное содержание, ассоциированное с языковой формой (отдельное высказывание, полнозначное слово, фигура речи как отличная от буквальная трактовка и др.)

b) личностная или социальная установка, ассоциированная с языковой формой, например, использование диминутивов при разговоре с маленьким ребенком

c) оценка относительной употребительности / предпочтительности языковой формы

d) уместность смысла языковой формы в определенном контексте

e) грамматическая правильность языкового выражения

f) некоторые из различающихся смыслов многозначной морфемы

g) некоторые слова и словосочетания как способные выражать примерно один и тот же концепт (приблизительные синонимы)

h) некоторые слова как принадлежащие одной категории

i) слово, выражающее конъюнкцию концептов, например, 'сухую жаркую песчаную зону' можно назвать *пустыня*

j) слово, указывающее на противоположное качество

k) некоторые из устойчивых выражений с заданным словом, например, для слова *дорога* – словосочетания *на дороге, железная дорога*

l) некоторые из слов, обладающих определенными фонологическими характеристиками, например, рифмующиеся

m) слово, соответствующее концепту, заданному остенсивно (посредством указательного жеста)

n) слово, соответствующее концепту, заданному словом другого языка (перевод на другой язык)

2. Аспекты языка со средней доступностью

a) значение служебного слова или морфемы

b) лексико-грамматическая категория слова (степень доступности варьируется в зависимости от индивидуального опыта, в частности, для лингвистов этот аспект языка, скорее, относится к высокодоступным)

c) степень выразительности языковой формы, степень выраженности некоторого концепта (так, если сравнить словосочетания *во время его предстоящего приезда* и *когда он придет*, то в первом концепт 'будущность' выражен ярче)

3. Аспекты языка с низкой доступностью

a) семантические компоненты, входящие в смысл слова

b) все смыслы многозначной морфемы, все слова рифмующиеся с заданным словом

c) синтаксические правила и модели

d) формы / конструкции, режущие слух как неправильные (грамотный человек полагает, что он их не использует, но в повседневной разговорной речи, сам того не замечая, это нередко делает, что свидетельствует о слабой доступности таких составляющих для интроспекции)

e) некоторые из слов с заданными фонологическими свойствами, отличными от названных в II,1, l (например, слова с [r] на 3-й позиции слева)

4. Аспекты языка с нулевой доступностью

a) порядок и длительность когнитивных процессов, например, наблюдению недоступны время появления и длительности этапов понимания метафорического смысла высказывания *Я продираюсь через мое домашнее задание* (включающего мимолетное появление буквального смысла)

b) когнитивный процесс, в результате которого смысл слышимого слова или высказывания появляется в индивидуальном сознании

Материал поступил в редколлегию 23.09.2009

М. К. Timofeeva

INTROSPECTION AS AN OBJECT AND AS A METHOD OF LINGUISTICS

Introspection is an integral part of communication and at the same time one of the basic linguistic methods. But this cognitive ability is very natural for human mind and thus endured a long-term disregard in linguistic investigations. The aim of this paper is to demonstrate that those investigations are possible and needed. The discussion of the varieties of linguistic introspection is based on L. Talmy's conception.

Keywords: methodology of linguistics, introspective observation, objects of linguistic introspection, method of introspection.